

ЦВЕТ И ПРОСТРАНСТВО В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОЙРАТОВ МОНГОЛИИ И КАЛМЫКОВ РОССИИ¹

Аннотация. Традиционная культура *homo mobilis* – предмет отечественных и зарубежных исследований. В центре внимания ученых – во многом оставшийся в прошлом образ жизни кочевников. Это относится, в частности, к калмыкам, наследникам ойратов, пришедшим в XVII веке из Западной Монголии в степи Северного Прикаспия. Скотоводы-кочевники осваивали обширное пространство, используя традиционную форму хозяйствования. Тысячелетний опыт проходившей в постоянном движении кочевой жизни, тесных взаимосвязей с природной средой сказался не только на бытовом укладе, но и на представлениях о мироустройстве. С точки зрения кочевников «срединный мир» (мир людей) существует в тесном контакте с небом и землей. Небо – основатель-творец всего сущего, источник происходящего на земле. С этой картиной мира связано диалектическое представление об обеспечивающих целостность мира, взаимоисключающих и дополняющих друг друга началах *арга* и *билиг*. Философское учение монголов *арга билиг* распространяется и на традиционную символику цвета, которая выражает представления о взаимосвязях мироздания и человека. Художественное воплощение религиозно-философских идей, детально развитых в мировоззрении ойратов Монголии, получило дальнейшее развитие в трансграничной культуре калмыков России; традиционная символика цвета и пространства сохраняется и преобразуется ими. Сравнительно-сопоставительный анализ художественных традиций с использованием методов истории, этнокультурологии, искусствоведения и философии позволяет выявить общее и различное в культурах ойратов Монголии и калмыков России.

Ключевые слова: культура кочевников; искусство Монголии; учение *арга-билиг*; ойраты; калмыки; мировидение; философия цвета; теория цвета; символика пространства; «цвет-направление»; традиционное жилище; народный костюм

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 19-512-44002/19 «Народное декоративно-прикладное искусство ойратов Монголии и калмыков России: общее и особенное в сравнительно-сопоставительном анализе».

Проблема семантики и символики цвета и пространства отводится особое место в искусствознании и этнографии. В области монголоведения требуется продолжение ее разработки, начатой российскими и монгольскими исследователями². Традиционное мировоззрение кочевников основано на пространственно-цветовых доминантах, которые выражают представления о мироздании и имеют значение при создании жилища, предметов быта, народного костюма. Философская доктрина о парных противоположностях *арга-билиг*, характеризующих духовную культуру кочевников, рассматривает единство мира в органичном взаимодополнении явлений, их цветовых и пространственных характеристик. Осмысление этого учения как основы монгольской культуры дает возможность проследить «многообразный и сложнейший процесс, включающий отбор разных способностей... адаптации общности к окружающей действительности, упорядочивания символов» в культуре Монголии³. Последнее актуально для понимания формирования этнических особенностей наследия калмыков России⁴.

Изучая созданные кочевниками культурные ценности, неразрывно связанные с природным окружением, исследователи пришли к понятию «антропология движения». А. В. Головнев утверждает, что мобильностью индивидуума измеряется «реальность в единицах действия, ее главными категориями выступают динамика и статика, основными инструментами – мотивационно-деятельностные схемы и историко-антропологические сценарии. Это отличает культуру кочевников от оседлой, иначе осваивающей пространство <...>. Осмысление цивилизации в обозначенном подходе открывает праисторию и историю в живой последовательности мотивов – действий исторических персонажей. Схемы и сценарии развития культур и народов Евразии в хронологическом диапазоне от палеолита до средневековья представляют узловое сюжеты освоения человеком планеты, события древней истории индоевропейцев, алтайцев, уральцев, хунну, готов, викингов, Руси, монголов, кочевников Арктики»⁵.

Традиция возведения переносного жилища непосредственно связана с тысячелетним опытом освоения природной среды.

Эволюция типов жилья кочевников Евразии подробно исследована отечественными учеными⁶. Деревянные конструкции: решетчатые стены, двери, дымоход, жерди и другие части «походного дома» – соответствуют необходимости постоянно транспортировать жилище. Шалашеобразное строение *хатгуур гэр*, до сих пор используемое ойратами Монголии при дальних перекочевках, представляет собой облегченный тип войлочного жилища без образующих стены деревянных решеток. Легкое в конструкции, оно соответствует мобильному образу жизни, подразумевающему постоянные перемещения – в теплое время года на летние становища, в холодное – на зимние⁷. Покрытие шкурами животных (вместо войлока) делает их еще более удобными при сборке, разборке и транспортировке. Строения такого рода использовались в походном быту пастухов, перегонявших скот на дальние расстояния. Они напоминают охотничий шалаш (*жолм* у калмыков) из связанных сверху покрытых кошмой деревянных жердей⁸ и представляют собой различные варианты целесообразно устроенного жилого пространства, укрывающего от непогоды. Вокруг него на территории временной животноводческой стоянки устанавливался защищенный от ветра загон для скота.

Ил. 1. Десять направлений: цветовая схема

² Учение *арга билиг* как ось монгольской культуры / Под общ. ред. М. Ю. Шишина. Барнаул, 2013.

³ Там же. С. 12–13

⁴ По ходу солнца, с востока на запад (калм. *зөв эргэд*) ушли предки калмыков из Монголии. Они сформировали новую этническую культуру, т. к. жизнь этого кочевого народа развивалась в ином природном и этнокультурном ландшафте.

⁵ Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. С. 6.

⁶ Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974; Он же. Мир кочевников Центра Азии. М., 1991; Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Отв. ред. А. П. Деревянко. М., 1988.

⁷ Амгалан Мишигдоржийн. Баруун монголчуудын эдийн соелын дурсгалт зүйлс. Улаан Баатар, 2000. С. 125.

⁸ Хальмг-орс толь. Калмыцко-русский словарь. М, 1977. С. 232.

Ил. 2. Калмыцкая кибитка *ишкэ гер*. Музей калмыцкой традиционной культуры им. Зая-пандиты (МКТК) КалмНЦ РАН. Реконструкция 2014 г. Фото из архива автора С. Г. Батыревой

В энциклопедии «Монгол гэр. Тайлбар толь» исследователи Б. Баатархуу и Д. Одсүрэн разместили в формате словаря обширный материал, посвященный юрте. Он разделен на рубрики, в которые входят сведения о жилищах этнических групп Монголии, в том числе ойратов, проживающих на западной окраине страны. В начале XVII века часть ойратов ушла в прикаспийские степи России – так началось формирование калмыцкого народа, его культуры. В разделе «Халимаг гэр»⁹ утверждается, что жилище калмыков, его пространственная структура продолжают традицию западно-монгольской юрты¹⁰.

В культуре монгольских кочевников значимая роль отводится цвету, причем его символика имеет древние корни: она присутствует и в верованиях, и в принципах формирования государственности и военной стратегии гуннов. С. Дулам пишет, что, согласно верованиям *Небу*, «восточное направление объемлет сорок четыре уровня верхней сферы. Так, в конном ряду гуннов на левой [восточной] стороне, как правило, выстраивались всадники на серо-голубых лошадях...

Можно предположить, восточное направление в гуннской традиции является направлением голубого цвета. Согласно мифологии, рассматривающей происхождение Вселенной, западное направление связано с цветом «белого железа», сопрягаемого с символом животного – «белого льва». В небесной иерархии это олицетворялось белой сферой пятидесяти пяти Небес, связанной с добрыми деяниями и отличающей ее от восточного направления. В конной армии гуннов на правом фланге выстраивались всадники на белых лошадях. В мифах о происхождении мира северное направление – черноводное... [цвета воды глубокого родника в традиционной культуре калмыков. – С. Б.], по символизму животных у древних тюрков – это направление «черной черепахи». На северном фланге войска номадов стояли всадники на черных конях, символом северного направления является черный цвет, поскольку «темнота» обитает там, куда солнечный свет не проникает. Южное направление, согласно мифам о происхождении мира, – «огненно-красное», связанное с цветом оперения «красной птицы». На южном фланге кавалерии

гуннов выстраивались бойцы на гнедых конях, связанных с цветом южного направления»¹¹. Цветовая символика пространственных направлений присутствует и во многих других традициях, перенятых монголами у своих предшественников.

Согласно принципам размещения цвета при расположении монгольских войск в XIII–XIV веках, «...следует выстраивать ... бойцов по цвету кожаных доспехов (монг. *дү биан*). Синие доспехи наденут держатели барабана и музыкальных тарелок, колотушек и длинных мечей, а также знамен и копий *сульдэ*, желтые доспехи наденут бойцы средних рядов, красные – бойцы южных рядов, черные доспехи – бойцы внутренних частей, держатели знамен и копий с навершием из конского волоса – всадники, золотые доспехи – пешие воины, держатели оружия»¹².

Цветовое зонирование пространства присутствует и в жилище номадов. В северной (черной) части юрты размещались предметы культового назначения. Правую (западную) часть, связанную с белым направлением, занимали вещи и принадлежности мужчины, туда же приглашались гости. Левая (восточная) часть, сопрягаемая с зеленым направлением, принадлежала женщине. Красная юго-восточная часть – мужская, это место совершения обрядов в лучах восходящего солнца. Желтый цвет вокруг очага символизировал Мать-Землю. Центральная роль в жилом пространстве отводилась повелителю – Вечному Синему Небу, которое проглядывало сквозь круглое отверстие дымохода (ил. 1).

Таким образом, десять обозначенных цветом направлений пространства спроецированы на микропространство традиционной юрты. Если рассматривать эту систему «цветонаправлений» с точки зрения философии *арга-билиг*, особенности мировидения монголов воспринимаются еще яснее. Восемь направлений разделяются на четыре основные *арга* и четыре вспомогательные – *билиг*. Основные направления в свою очередь делятся на *арга* и *билиг*. Южное и западное направления – *арга*, северное и восточное – *билиг*. Вспомогательные направления делятся так же.

Эту систему имеет смысл рассмотреть начиная с южного направления. Юг – *арга*. Юго-западное вспомогательное направление – *арга* по *арга*. Западное – *арга*, северо-западное – вспомогательное направление *билиг* по *арга*. Северное – *билиг* направление, северо-восточное – вспомогательное *билиг*

по *билиг*. Восточное – *билиг* направление, юго-восточное – направление *арга* по *билиг*.

Биполярное деление основных и вспомогательных (промежуточных) направлений с точки зрения философии *арга-билиг* тесно связано с организацией быта ойратов. Конские привязи располагались по правую (западную) сторону юрты, лежбище для овец и коз – на северо-западной и северной сторонах. На северо-восточной – хозяйственная юрта, палатка. На южной и юго-восточной – привязи для телят и жеребят. В южном, юго-западном и западном направлениях (*арга*) по случаю приезда и проводов гостей духам-покровителям местности оставляли лучшую часть пищи и чая. Северо-западное, северное и северо-восточное, а также восточное и юго-восточное направления (*билиг*) считали недостаточно благополучными для проведения ритуальных подношений.

Дополнительное девятое направление желтого цвета (*билиг*) представляет собой нижний органический мир, олицетворяя

Ил. 3. Восемь направлений по учению *арга-билиг*:

Дөрвөн зүг – стороны света.

Өмнө зүг, *Арга зүг*;

Баруун урагш, *Аргын арга зовхис*;

Баруун зүг, *Арга зүг*;

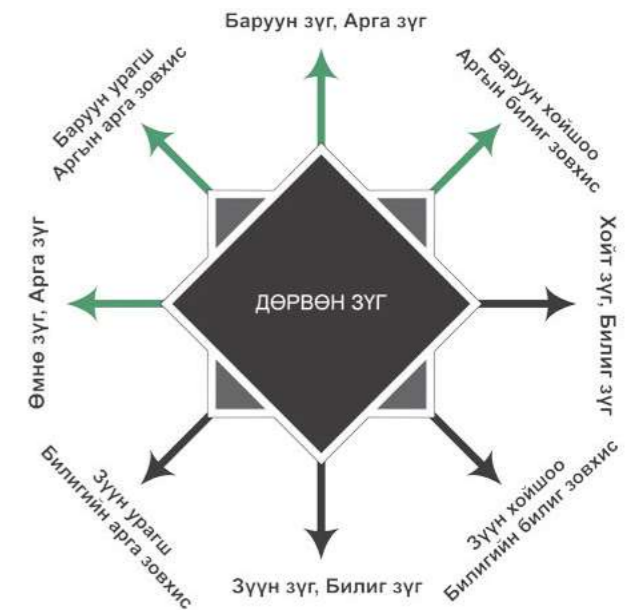
Баруун хойшоо, *Аргын билиг зовхис*;

Хойт зүг, *Билиг зүг*;

Зуун хойшоо, *Билигийн билиг зовхис*;

Зуун зүг, *Билиг зүг*;

Зуун урагш, *Билигийн арга зовхис*

⁹ Баатархуу Б., Одсүрэн Д. Монгол гэр. Тайлбар толь. Encyclopedia of ger. The dwelling house of mongols. Хянан нягталсан: академич Ж. Болдбаатар. Улаан Баатар, 2015. С. 62–64, 164–166, 193–195.

¹⁰ Конструкция жилищ описывается с указанием на небольшие отличия от традиционного жилища ойратов (торгутов, дербетов, котонов, мянгатов и др.), проживающих в сомонах Бөхмөрөн, Давст, Өлгий, Өмнөговь, Сагил, Ховд, Наранбулаг, Завхан, Тариалан и Булган Ховдского аймака. Указанные населенные пункты – маршрут комплексной экспедиции Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и Калмыцкого государственного университета в июле-августе 2007 года. См.: Батырева С. Г. Путевые заметки искусствоведа: по материалам экспедиции в Западную Монголию (25 июля – 30 августа 2007 года) // Музеи Российской академии наук. Альманах. Вып. 9. М., 2012. С. 82–95.

¹¹ Дулам С. Монгол бэлгэдэл зүй. II Өнгийн бэлгэдэл зүй чигийн бэлгэдэл зүй. Улаан Баатар, 2011. С. 157.

¹² Нямбуу Х. Монгол хувцасны түүх. Улаан Баатар, 2002. С. 42. Безусловно, «существование десяти направлений ориентации свидетельствует, что культура кочевников имеет выраженный пространственный характер, обусловленный закономерностями освоения макромира Вселенной. Развитая система воззрений о «цвете и направлениях» монголов, отличает их культурное наследие от других кочевых народов» (Гантулга Д. Монголчууд үлэмж ертөнцийн орон зайд. Улаан Баатар, 2017. С. 73).

Мать-Землю. Десятое «синеющее» направление – *арга* – символизирует верхний мир Небо-Отца. Желтая Мать-Земля и синеющее Небо-Отец взаимообусловлены в биполярной системе мироздания ойратов, традиционно обозначаемой черным и белым цветами.

Согласно воззрениям ойратов, макромир разделен вертикальной осью на верхний материк (небо, духовный мир, *арга*) и нижний материк (землю, органический мир, *билиг*). Верхний и нижний материк взаимосвязаны и имеют как положительное, так и отрицательное содержание. Между ними существует срединное пространство, мир людей. Макромир образует целостное единство.

Центр вселенной фиксируется в середине юрты двухцветным кругом синего (небо) и желтого (земля). Дихотомическое деление пространства, его биполярность – в цветовой раскладке схемы, где красным обозначена мужская половина жилого пространства, зеленым – женская. Дихотомия мироздания ойратов-монголов близка древнейшим культурам, архетипическим бинарным оппозициям «день-ночь», «свет-тьма», «небо-земля», «правое-левое», «мужское-женское».

Религиозное отношение предков к белому и черному цветам предположительно сформировалось в эпоху «оленных камней» второй половины I тысячелетия до н. э.

В культуре «оленных камней» воплотились воззрения, согласно которым макромир располагается вдоль вертикальной оси, делясь на три мира с единым началом¹³. В большинстве случаев оленные камни вытесаны из символизирующего небо светлого гранита. В Западной Монголии встречаются и парные оленные камни из светлого и более темного гранита, символизирующего белый и черный (например, парные оленные камни в местностях Цагаан гол с. Цэнгэл Баян-Улгийского аймака и Баянзурх с. Муст Ховдского аймака (ил. 4)).

Верхний материк макромира покрывает пространство среднего материка, людям и животным¹⁴. Вечно существующее Небо оказывает людям помощь во всех делах: войнах, поиске лошадей, сопровождении каравана и т. д. Поэтому монголы, представляя белое небо, покрывают юрту белым войлоком, представляя черное небо – используют опояски и веревки черного цвета. Это

символ восприятия гармоничного единства *арга-билиг*, переданного в символике цвета¹⁵.

Необходимо различать не только преемственность, но и этнические особенности мировосприятия ойратов и калмыков.

В мировидении калмыков существенное значение имеет солярная символика пространства, основа которой – культ Солнца, цвет Солнца в красно-желто-оранжевой цветовой гамме, его особая значимость в традиционной культуре. В привоимой бинарной структуре мироздания ойратов Западной Монголии (ил. 1, 3) небесное светило не акцентируется, несмотря на наличие солярной символики конструкции жилища и предметной среды.

«Кочевнический стиль» наследия монгольских народов претерпел изменения в солярной модели Мира калмыков, проецируемой в пространстве кибитки. Деревянная конструкция переносного жилища *ишкэ гер* окрашивалась в красный цвет, на этом фоне четко выделялся синий круг *өрк* дымника *харач* (ил. 2, 5). Красный цвет Солнца как символа подателя жизни проецируется на Огонь родового очага и дополняется синим цветом

Ил. 4. Оленные камни в местности Баянзурх сомона Муст Ховдского аймака, Западная Монголия, 2019 г. Фото из архива автора Д. Гантулги

дымника *харач*, связанного с представлениями о верховном божестве тюрков-монголов Вечное Синее Небо (калм. *Монк Көк Теңер*). Вплоть до начала XX века решетки и жерди перекрытия *ишкэ гер* покрывались красной охрой, добываемой в разломах горы Богдо у озера Баскунчак и растертой на рыбьем клею *зусн*. Расходящиеся над головой (как лучи солнца) красные жерди купола кибитки имеют выразительную сакральную символику. Конструкция переносной калмыцкой кибитки *ишкэ гер* органично вмещает стихии: Небо, Солнце (Огонь), Землю. Вечное Синее Небо заглядывает в круг дымохода, через него же проникают лучи Солнца, они скользят по жердям купола и «зажигают» Огонь в родовом очаге, соединяя Землю и людей с верхним миром предков. Очаг – центр жилого пространства – символизирует творческую деятельность человека.

Полусфера жилища кочевника в проекции представляет собой «циферблат солнечных часов», по которому возможно определять время, следя за передвижением «стрелок» – лучей солнца, скользящих по образующим купол деревянным жердям *уьнн*. Так в сборно-разборном жилище номада заключена объемная пространственно-временная модель вселенной.

Народная память калмыков сохранила среди степи древнейшие представления о мировой оси Земля-Небо. Согласно калмыцкому героическому эпосу «Джангар» вертикальная ось вселенной – древо *Галбар Зандан*, растущее у подножия мировой горы *Сумеру* (центра буддийской Вселенной)¹⁶. С этим образом связана и вошедшая в иконографию буддизма фигура идущего Белого Старца, антропоморфного воплощения Природы в калмыцкой мифологии¹⁷. Его эмоциональная аура противопоставляется холодной потусторонности Вечного Синего Неба – воплощения культа предков у монголов. Согреваемая лучами Солнца желто-красно-коричневая Земля дает возможность жизни в поднебесном пространстве.

Ярусное деление пространства калмыцкой кибитки, ее сферического объема

Ил. 5. *Өрк* – верхнее отверстие в конструкции кибитки *ишкэ гер*. Музей калмыцкой традиционной культуры им. Зая-пандиты (МКТК) КалмНЦ РАН. Реконструкция 2014 г. Фото из архива автора С. Г. Батыревой

с динамично устремленным в Небо коническим верхом уподоблено вселенскому куполу, обиталищу духов предков мужской линии рода. Связанная с земным бытием человека нижняя сфера представляет женское начало. Одухотворяемый лучами Солнца Огонь очага связан с творческой способностью человека, привносящей движение земной Жизни в безмолвие Вечности, в величественно-статичный культ Неба¹⁸.

Очаг – центр мироздания для номадов. Он символически соединяет небо и землю, предков и потомков, мужскую (правую, верхнюю) и женскую (левую, нижнюю), сакральную (северную) и хозяйственную (южную) сферы жилища¹⁹. Таким образом, жилое пространство является упорядоченной организованной моделью мира²⁰.

Солярная символика присутствует не только в структуре жилья, но и в costume «детей Солнца» калмыков: например, красный верх традиционного головного убора – пышный махор или скромная кисть различных форм и размеров (ил. 6, 7). Головной убор с подчеркнuto «солярным» верхом – презентательный знак самовыражения этноса в полиэтничной среде.

¹³ «Здесь надо искать основу взглядов на мироздание в культуре кочевников» (Гантулга Д. Художественная выразительность оленных камней // Искусство Евразии. Международный научный журнал. 2017. № 2 (5). С. 14–20. URL.: <https://readymag.com/u50070366/726372/9/>, дата обращения: 30.04.2021).

¹⁴ «Существуют покровительствующие человеку и скоту небеса. Согласно сакрализации понятий, связанных с культом Неба, их запрещали определенно называть: белые небеса обозначались блестящими или сверкающими, а черные небеса – темными, традиция эта строго соблюдалась в нашем недалеком... прошлом. Во избежание падежа скота белого коня называли серым, очень белого – чересчур серым, черного или вороного – конем темной масти. Покойного, ушедшего в небо (ставшего небом), именовали «тот, с трудным именем» (Полевые материалы автора Д. Гантулга, 2019). Традиция эта имела обрядовый характер: «монголы делают обо, культовые насыпи камнями и называют их «голубой» или «небесный обо (обон)» (Дулам С. Чингис хааны төрийн бэлгэдэл. Улаан Баатар, 2014). Таким способом в тенгрианском культе Неба указывали направление и местоположение сорока четырех небес верхнего мира.

¹⁵ Батчулуун Л. Эсгийн урлаг тэмдгийн тогтолцоо. Улаан Баатар, 2003. С. 45.

¹⁶ Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1992. Т. 2. С. 248.

¹⁷ Батырева С. Г. Эпическое мировоззрение в иконографии ламаизма (на примере образа Белого Старца Вселенной в старокалмыцкой живописи) // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, 1990. С. 42–43. Белый цвет связан с культом природы. В обрядах шаманизма почитается белая береза как дерево неба и воплощение духа воды. «Алтайцы, жители гор Алтая, привязывают белые ленты к деревьям и камням, находящимся вблизи родников, минеральных источников, на перевалах и бродах больших рек. При этом ширина ленточки должна быть не больше пальца, при нарушении этой меры дух хозяина Алтая может разгневаться. Причина этого кроется в том, что дух Алтая соблюдает эту же меру, осуждая таким образом человека более богатого, чем он сам» (Дьяконова В. П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Л., 1984. С. 40).

¹⁸ Интересно в этой связи заметить: если монголов называют поющим народом, то калмыков – танцующим. Динамика движения характеризует жизнь этого этноса.

¹⁹ Жукловская Н. Л. Указ. соч. С. 13–17.

²⁰ Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Институт этнологии и антропологии им. Н. Миклухо-Маклая. М., 2003. С. 25; Пространство в традиционной культуре монгольских народов 2008 / Б. З. Нанзатов, Д. А. Николаева, М. М. Содномпилова, О. А. Шагланова. М., 2008.

Костюм замужней калмычки

В кросскультурном диалоге традиций, принесенных из Центральной Азии (не без влияния декора одежды тюркоязычных кочевников, горских и земледельческих народов юга России), формируется самобытный калмыцкий народный костюм. В его покрое и цветовом решении отразились представления этноса о мироздании²⁶.

Женский наряд (состоит из нижнего платья *терлг* и верхней безрукавки *цегдг*, характерных для ойратов Западной Монголии, тюркоязычных народностей Алтая и Южной Сибири) дополняется головным убором и обувью²⁷. Силуэт костюма формируется пышным буфообразным рукавом, который характерен не только для девичьего, но и мужского, и женского костюмов (матричной основой кроя *берз*, принципиально отличающейся от халата *дээл* ойратов)²⁸. Ажурные серебряные пуговицы подчеркивают многослойную объемность декора костюма замужней калмычки. Ансамбль дополняет головной убор *халмаг* с пышным красным верхом, вышитый по тулову узором *зег*.

Костюм украшен вышивками на груди, полах и рукавах. Самобытно акцентирован разрезной перед безрукавки *цегдг* с петлями для платка, ключей и кошелька, завязывающийся шелковыми шнурами *бүч* с кисточками *цацг*. Сзади *цегдг* украшается вышивкой *бель хатхмр*. Характерен рисунок, состоящий из П-, Т- и Г-образных меандров³¹. Узорная строчка вышивки *зег* подобна древним орнаментам на войлоке³². Декоративное богатство и строгий ритм геометрического узора отличают лицевое шитье-аппликацию цветной шерстяной нитью.

Ил. 6. Женский головной убор *халмаг*. XIX в. Золотное шитье, вышивка шнурами *зег*. Российский этнографический музей (РЭМ). Фото из архива автора С. Г. Батыревой

Ил. 7. Костюм замужней калмычки. Начало XXI в. Золотное шитье, вышивка шнурами *зег*. Музей калмыцкой традиционной культуры им. Зая-пандиты (МКТК) КалмНЦ РАН. Фото из архива автора С. Г. Батыревой

Исследователи отмечают, что подобного нет у ойратов и народов, с которыми калмыки соприкоснулись в России³³. Особого внимания заслуживают древние традиционные зооморфные орнаментальные мотивы металлических деталей в костюме ойратов. В культуре калмыков не получил развития характерный центральноазиатский стиль декора³⁴, трудоемкие технологии изготовления изделий из металла были заменены художественной обработкой ткани, более экономной и рациональной в условиях степного кочевья. Детали, расположенные по краям одежды, имеют значение оберега. Так, воротник нижней рубашки *киилг* нередко декорирован рядом мелких раковин *могой толга*.

- 26 Традиционный костюм ойратов хранится как в музейных фондах, так и частных домах. Современные женщины надевают его исключительно на праздники и торжества (См.: Батырева С. Г. Путевые заметки искусствоведа... С. 82–95). См. также: Батырева С. Г. Музей традиционной культуры в системе науки и образования. Элиста, 2007. С. 41–43, 45–47.
- 27 Амгалан Мишигдоржийн. Указ. соч. С. 28–29, 36–37, 41–43.
- 28 Батырева К. П., Батырева С. Г. Этническая картина мира как культурное наследие калмыков // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия / Отв. ред. И. И. Горлова. Краснодар, 2015. С. 345–356; Батырева К. П., Батчулун С. Народный костюм калмыков России и ойратов Западной Монголии: к проблеме изучения // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 3 (47). С. 9.
- 29 Вяткина К. В. Общие черты материальной и духовной культуры западных монголов, бурят и южных алтайцев // VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. Л. 3.
- 30 Батырева С. Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста, 2006. С. 65–79, 82–95.
- 31 Батырева С. Г. Войлок в обрядовой культуре калмыков... С. 134–145.
- 32 Батырева С. Г. Узорная стежка ткани и войлока: к вопросу генезиса орнаментального декора (на материале экспонатов Музея имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН) // Наследие веков. 2020. № 1. С. 119–134.
- 33 Сычев Д. В. Заметки о калмыцком орнаменте / О калмыцком прикладном искусстве. Волгоград, 1967. С. 35–36.
- 34 Корняко В. А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М., 2002. С. 12–13, 18.

Традиционные представления о мироздании присутствуют и в родинных, свадебных, похоронно-поминальных обрядах²¹, в системе универсальных символов орнаментального декора главного строительного материала номадов (войлока). Так из множества деталей и частностей складывается цельный мифопоэтический образ Вселенной.

Жилище и костюм номада образуют микропространство кочевой культуры. «С древности на шаманских рисунках убеленный сединами старик... одет в белый дэли с черной окантовкой»²². Эта традиция имеет глубокие корни: халаты *дээл* мужчин-ойратов издавна делали из ткани белого цвета с черной каймой, а *дээл* женщин – наоборот, из черной ткани с белым воротником. Так, мужчина и женщина находятся под покровительством черных и белых небес, связанных друг с другом и ниспосылающих свою защиту человеку.

В северной (черной) части юрты ойраты размещают предметы обрядового назначения, которые обеспечивают плодovitость домашних животных: волосы лошадиной гривы, хвосты крупного рогатого скота. Ритуальные предметы, например черный герб на четырех ножках, призваны изгонять злые силы на все четыре стороны, уничтожать врага и прекращать воздействие сил сорока четырех черных небес. Вступая в бой, ойрат должен держать перед собой черный герб, все четыре стороны его шлема должны быть черного цвета, охраняющего от опасности со всех четырех сторон. Если ойрату необходимо в сумерки вынести из юрты младенца, он нарисует сажей черную черточку на его носу.

Строя для молодоженов новую юрту, веревку для прикрывающей дымовое отверстие кошмы плетут из конских волос белого цвета. «Когда играют свадьбу и принимают сноху в семью, перед юртой постилают белый войлок, на который она сходит с лошади»²³. Во время свадебного пира сноху одевают в *дээл* замужней женщины с белым воротником, т. к. она приезжает к мужчине, сопоставляемому с белым небом. Белый цвет в одежде снохи – символ сохранения счастья и благополучия семьи. Приезжающие на свадьбу родственники жениха и невесты привозят еду для пира в новых белых мешках.

Новорожденного принимают в юго-западной (белой) части юрты, пеленают и кладут в колыбель белого цвета, над ним подвешивают вырезанные из белого войлока лисицу и треугольник, угол которого направлен вниз. Покойного заворачивают в белый войлок, увозят на кладбище на белом верблюде. В юрте

на правой (белой) стороне стелют стеганный белый *ширдег* для гостей.

При возведении хана на престол девять человек приподнимают его на белом войлоке и сажают на трон. Встречая гостей, перед дворцом постилают белый войлок для езды на сивом (соловом) коне, подают девять белых даров и приносят в жертву коня светлой масти. В решающий бой идут, надевая на коней полководцев маски с изображением серебряного оленя. Исполняя музыкальное подношение Небу, цоорист (*цоор* – музыкальный инструмент) поднимается на вершину горы, надевая *дээл* белого цвета и белый головной платок. Во время совершения обряда моления о дожде используется шкура белого ягненка. Накануне традиционного весеннего праздника *Цагаан сар* в юго-западной части юрты ставят лед для белого неба. Мужчина белым платком оборачивает голову слева направо – по движению солнца.

Основополагающие понятия мировидения спроецированы и на символику декора ритуальных предметов. В декоративно-прикладном искусстве ойратов широко применяются шитые витой белой и черной шерстяной нитью орнаменты (например, на стеганых тюфяках из белого войлока, подстилках для сидения, чехлах для чашек и тарелок). Светлые войлочные стены юрты, как правило, окаймляются орнаментом из черных волосных и шерстяных витых шнуров²⁴. Черный и белый цвета выражают взаимозависимость противоположностей – согласно идее *арга-билиг*. «Символика черного и белого ...имеет значение “отца и матери”, ...дающих начало всем другим цветам спектра»²⁵.

Итак, в культуре ойратов-монголов главный цвет предметной среды – белый цвет значения *арга* (юрта, герб, знамя, культовые предметы, ханская одежда, *дээл* для мужчин, лошади и т. д., а также предметы быта, находящиеся на правой (западной, белой) стороне жилого пространства). Черный цвет (*билиг*) применяется как дополнительный (вспомогательный). Черные изобразительные мотивы типа *билиг* означают охрану, украшение, развитие.

Такова биполярная основа народного мировидения, спроецированная на материальную среду бытия. Как уже отмечалось, в традиционной культуре ойратов-монголов черный и белый преобладают по значимости над всеми другими цветами.

21 Батырева С. Г. Войлок в обрядовой культуре калмыков // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. № 16. С. 134–145.

22 Нямбуу Х. Указ. соч. С. 47.

23 ПМА Гантулга, запись с Мөнхөөн Содном. 2019.

24 Обрядовый смысл имеет и орнаментальный мотив рогов – знак защиты благополучия.

25 Дулам С. Монгол бэлгэдэл зүй... С. 12.

Библиография

1. Батырева К. П., Батчулуун С. Народный костюм калмыков России и ойратов Западной Монголии: к проблеме изучения // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 3 (47). С. 6–13.
2. Батырева К. П., Батырева С. Г. Этническая картина мира как культурное наследие калмыков // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия / Отв. ред. И. И. Горлова. 2015. С. 345–356.
3. Батырева С. Г. Войлок в обрядовой культуре калмыков // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. № 16. С. 134–145. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-134-145.
4. Батырева С. Г. Меандр «зег» в декоре войлока как отображение мировидения калмыков и ойратов Монголии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 210–221. DOI: 10.17223/22220836/36/20.
5. Батырева С. Г. Музей традиционной культуры в системе науки и образования. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 184 с.
6. Батырева С. Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: АОр НПП «Джангар», 2006. 160 с.
7. Батырева С. Г. Путевые заметки искусствоведа: по материалам экспедиции в Западную Монголию (25 июля – 30 августа 2007 года) // Музеи Российской академии наук. Вып. 9. М., 2012. С. 82–95.
8. Батырева С. Г. Узорная стежка ткани и войлока: к вопросу генезиса орнаментального декора (на материале экспонатов Музея имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН) // Наследие веков. 2020. № 1. С. 119–134. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.013.
9. Батырева С. Г. Эпическое мировоззрение в иконографии ламаизма (на примере образа Белого Старца Вселенной в старокалмыцкой живописи) // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Элиста, 1990. С. 42–43.
10. Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.
11. Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
12. Вяткина К. В. Общие черты материальной и духовной культуры западных монголов, бурят и южных алтайцев // VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. С. 1–3.
13. Гантулга Д. Художественная выразительность оленных камней // Искусство Евразии. Международный научный журнал. 2017. № 2 (5). С. 14–20. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2017.02.002. [Электронный ресурс] URL:https://readymag.com/u50070366/726372/9/, дата обращения: 30.04.2021.
14. Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
15. Дьяконова В. П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Л.: Наука, 1984. С. 120.
16. Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Отв. ред. А. П. Деревянко. М.: Наука, 1988. 196 с.
17. Коренько В. А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М.: Восточная литература, 2002. 279 с.
18. Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX в. / Отв. ред. С. В. Иванов. М.: Наука, 1979. 205 с.
19. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 248.
20. Нанзатов Б. З., Николаева Д. А., Содномпилова М. М., Шагланова О. А. Пространство в традиционной культуре монгольских народов. М.: Восточная литература, 2008. 341 с.
21. Сычев Д. В. Заметки о калмыцком орнаменте // О калмыцком прикладном искусстве. Волгоград, 1967. С. 35–36.
22. Тишков В. Н. Реквием по этносу // Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
23. Учение Арга билиг как ось монгольской культуры / Под общ. ред. М. Ю. Шишина. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2013. 181 с.
24. Хальмг-орс толь. Калмыцко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1977. 765 с.
25. Амгалан Мишигдоржийн. Баруун монголчуудын эдийн соелын дурсгалт зүйлс [= Предметы материальной культуры западных монголов]. Улаан Баатар: «Монсудар» хэвлэлийн газраас эрхлэн гаргав, 2000. 212 с.
26. Баатархуу Б., Одсүрэн Д. Монгол гэр. Тайлбар толь [= Монгольская юрта. Толковый словарь]. Encyclopedia of ger. The dwelling house of mongols / Хянан нягталсан: академич Ж. Болдбаатар. Улаан Баатар: Адмон Принт, 2015. 282 с.
27. Батчулуун Л. Эсгийн урлаг тэмдгийн тогтолцоо [= Искусство войлочных ковров: определение символики]. Улаан Баатар, 2003. 524 с.
28. Гантулга Д. Монголчууд Үлэмж ертөнцийн орон зайд [= Монголы в пространстве Вселенной]. Улаан Баатар: Голден легион, 2017. 172 с.
29. Дулам С. Монгол бэлгэдэл зүй. II Өнгийн бэлгэдэл зүй зүг чигийн бэлгэдэл зүй [= Монгольская символика. Символика цвета]. Улаан Баатар, 2011. 233 с.
30. Дулам С. Чингис хааны төрийн бэлгэдэл [= Государственная символика Чингисхана]. Улаан Баатар, 2014. 127 с.
31. Нямбуу Х. Монгол хувцасны түүх [= История монгольского костюма]. Улаан Баатар, 2002. 399 с.
32. Пүрэв О. Монгол бөөгийн шашин [= Монгольский шаманизм]. Улаан Баатар, 1999. 84 с.

Полевые материалы автора (ПМА)

Гантулга Д. ПМА 2019. Из беседы с Мөнхөөн Шуураа, информантом из сомона Зэрэг Ховдского аймака, род Авгас Элкэн, женщина 1934 г. р.; из беседы с Аюушийн Шаравын Гансүх, информантом из сомона Булган Ховдского аймака, род Таринчийнхан хошуна Баатар бээл, мужчина 1922 г. р.; из беседы с Бөхчулуун Намсрай, информантом из сомона Манхан Ховдского аймака, род Тавьнайхан элкэнээ, мужчина, 1923 г. р.; из беседы с Мөнхөөн Содном, информантом из сомона Зэрэг Ховдского аймака, род Авгас Элкэн, мужчина 1935 г. р.

Secreta Artis (Art Secrets)

ISSN 2618-7140

History & Philosophy of Culture & Art

Volume 4. Issue 2 (2021). P. 86–95

DOI: 10.51236/2618-7140-2021-4-2-86-95

BATYREVA

Svetlana G.

Dr. Sci. (Fine and Applied Art and Architecture)

Leading Researcher, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

8 Ilshikh Str., Elista 358000, Russian Federation

Адрес электронной почты: sargerel@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4268-0705

GANTULGA

Damdin

Ph.D. in Cultural Studies

Head, Department of Design Khovd State University

Khovd Mongolia

e-mail: gantulga9913@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8468-8548

COLOR AND SPACE IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE OIRATS OF MONGOLIA AND THE KALMYKS OF RUSSIA

Abstract. The traditional culture of *homo mobilis* has been the subject matter of research both in Russia and abroad. It is the nomadic way of life, largely of the past, that has come into the focus of scholars. This applies, in particular, to Kalmyks, the heirs of the Oirats, who came in the 17th century from Western Mongolia to the steppes of the Northern Caspian region. Nomadic herders explored and developed a vast area resorting to the traditional form of farming. Thousands of years in the constant movement of nomadic life and close linkages with

the natural environment affected not only their way of living, but also their cosmovisions, i. e. perceptions of the world. From the point of view of nomads, the “middle world” (the world of people) exists in close contact with heaven and earth. Heaven is the founding father, the creator of all things, the source of everything that happens on earth. This image of the world is associated with a dialectical idea of the mutually exclusive and complementary phenomena of *arga* and *bilig*. The philosophical teaching of the Mongols, *arga-bilig*, extends to the traditional symbolism of color, which expresses ideas about interrelation between the Universe and a Man. The artistic embodiment of religious and philosophical ideas, developed in detail within the worldview of the Oirats of Mongolia, has been further elaborated in the cross-border culture of the Kalmyks of Russia. They preserved and transformed the traditional symbolism of color and space. Comparative analysis of artistic traditions accompanied by the usage of methodologies of history, ethnocultural studies, art history and philosophy enables one to identify the common and different between the cultures of the Oirats of Mongolia and the Kalmyks of Russia.

Keywords: *nomadic culture; philosophy of color; theory of color; symbolism of space; Mongolian art; Oirats; Kalmyks; worldview; “color-direction”; traditional dwelling; folk costume*

References

1. Batyreva, K. P. & Batchuulun, S. (2020). Narodniy kostyum kalmykov Rossii i oyratov Zapadnoy Mongolii: k probleme izucheniya [= The Study of National Costumes of Kalmyks of Russia and Oirats from Western Mongolia]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 3(47), 6–13. [In Rus.]
2. Batyreva, K. P., Batyreva, S. G. (2015). Etnicheskaya kartina mira kak kul'turnoe nasledie kalmykov [= Ethnic Picture of the World as a Cultural Heritage of the Kalmyks]. In I. I. Gorlova (Ed.), *Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya* (pp. 345–356). [In Rus.]
3. Batyreva, S. G. (1990). Epicheskoe mirovozzrenie v ikonografii lamaizma (na primere obraza Belogo Startsa Vselennoy v starokalmytsky zhivopisi) [= Epic Worldview in the Iconography of Lamaism (exemplified by the image of the White Elder of the Universe in Old Kalmyk painting)]. In *“Dzhangar” i problemy epicheskogo tvorchestva. Tezisy dokladov i soobshcheniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (pp. 42–43). [In Rus.]
4. Batyreva, S. G. (2006). *Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo kalmykov XIX – nachala XX vv.* [= Folk Arts and Crafts of Kalmyks of the 19th – Early 20th Centuries] Dzhangar. [In Rus.]
5. Batyreva, S. G. (2007). *Muzej traditsionnoy kul'tury v sisteme nauki i obrazovaniya* [= Museum of Traditional Culture in the System of Science and Education]. Dzhangar. [In Rus.]
6. Batyreva, S. G. (2012). Putevye zametki iskusstvededa: po materialam ekspeditsii v Zapadnyu Mongoliyu (25 iyulya – 30 avgusta 2007 goda) Travelogues of an Art Historian: From an Expedition to Western Mongolia (2007, July 25 – August 30). *Muzei Rossiyskoy akademii nauk. Al'manakh*, 9, 82–95. [In Rus.]
7. Batyreva, S. G. (2019). Meander “Zeg” in the Decor of Felt as a Reflection of the World View of Kalmyks and Oirats of Mongolia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [= Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History], 36, 210–221. https://doi.org/10.17223/22220836/36/20 [In Rus.]
8. Batyreva, S. G. (2019). Voylok v obryadovoy kul'ture kalmykov [= Felt in the Ritual Culture of the Kalmyks]. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)* [= Mongolian Studies], 16, 134–145. https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-1-134-145 [In Rus.]
9. Batyreva, S. G. (2020). Uzornaya stezhka tkani i voyloka: k voprosu genезisa ornamental'nogo dekora (na materiale ekspонатov Muzeya imeni Zaya-pandity Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN [= Patterned Stitching of Fabric and Felt: On the Genesis of Ornamental Decor (On the Material of the Exhibits of the Zaya-Pandita Museum of Traditional Culture of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)]. *Nasledie vekov*, 1, 119–134. https://doi.org/10.36343/SB.2020.21.1.013 [In Rus.]
10. D'yakonova, V. P. (1984). *Nekotorye etnokul'turnye paralleli v shamanstve tyurkoyazychnykh narodov Sayano-Altaya* [= Some Ethnocultural Parallels in the Shamanism of the Turkic-speaking peoples of the Altai-Sayan Region]. Nauka. [In Rus.]
11. Gantulga, D. (2017). Artistic Expressiveness of Deer Stones. *Iskusstvo Evrazii* [= The Art of Eurasia], 2(5), 14–19. https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2017.02.002 [In Rus.]
12. Golovnev, A. V. (2009). *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [= Anthropology of Motion (Antiquities of Northern Eurasia)]. Volot. [In Rus.]
13. *Khal'mg-ors tol'. Kalmytsko-russkiy slovar'* [= Kalmyk-Russian Dictionary]. (1977). Sovetskaya entsiklopediya. [In Rus.]
14. Kocheshkov, N. V. (1979). *Dekorativnoe iskusstvo mongoloyazychnykh narodov XIX – serediny XX v.* [= Decorative Art of the Mongol-Speaking Peoples of the 19th – Mid-20th Centuries]. Nauka. [In Rus.]
15. Korenyako, V. A. (2002). *Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zveriniy stil'* [= The Art of the Peoples of Central Asia and Animal Style]. Vostochnaya literatura. [In Rus.]
16. Nanzatov, B. Z., Nikolaeva, D. A., Sodnompilova, M. M., & Shaglanova, O. A. (2008). *Prostranstvo v traditsionnoy kul'ture mongol'skikh narodov* [= Space in the Traditional Culture of the Mongolian Peoples]. Vostochnaya literatura. [In Rus.]
17. Shishin, M. Yu. (Ed.). (2013). *Uchenie Arga bilig kak os' mongol'skoy kul'tury* [= Arga Bilig Doctrine as the Axis of the Mongolian Culture]. AltGTU. [In Rus.]
18. Sychev, D. V. (1967). Zаметki o kalmytskom ornamente [= Notes about Kalmyk ornamental patterns]. In *O kalmytskom prikladnom iskusstve* (pp. 35–36). [In Rus.]
19. Tishkov, V. (2003). *Rekvie m po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [= Requiem for Ethnos: Research in Social and Cultural Anthropology]. Nauka. [In Rus.]
20. Tokarev, S. A. (Ed.). (1992). *Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh tomakh* [= Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia in 2 Volumes] (Vol. 2, p. 248). Sovetskaya entsiklopediya. [In Rus.]
21. Vaynshteyn, S. I. (1974). *Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy* [= A History of Folk Art in Tuva]. Nauka. [In Rus.]
22. Vaynshteyn, S. I. (1991). *Mir kochevnikov Tsentra Azii* [= World of Nomads of the Center of Asia]. Nauka. [In Rus.]
23. Vyatkina K. V. (1964). Obshchie cherty material'noy i dukhovnoy kul'tury zapadnykh mongolov, buryat i yuzhnykh altaytsev [= Common Features of the Material and Spiritual Culture of the Western Mongols, Buryats and Southern Altai People]. In *VII mezhdunarodnyy kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk* (pp. 1–3). [In Rus.]
24. Zhukovskaya, N. L. (1988). *Kategorii i simvolika traditsionnoy kul'tury mongolov* [= Traditional Culture of Mongols: Categories and Symbols]. Nauka. [In Rus.]
25. Baatarkhuu, B. & Odsuren, D. (2015). *Mongol ger. Tilebar tol* [= Mongolian Yurt. An Explanatory Dictionary]. *Encyclopedia of ger. The dwelling house of mongols*. Admon Print. [In Mong.]
26. Batchuluun, L. (2003). *Esgiin urlag, temdgiin togtoltsoo*. [In Mong.]
27. Dulam, S. (2011). *Mongol belgedel zyy. II Өngiyn belgedel zyy zyg chigiyn belgedel zyy*. [In Mong.]
28. Dulam, S. (2014). *Chingis khaany төрийн belgedel*. [In Mong.]
29. Gantulga, D. (2017). *Mongolchuid ylemzh ertuntsyn oron zayd* [= Mongolians in the Vast World]. [In Mong.]
30. Mishigdorjin, Amgalan. (2000). *Baruun mongolchuudyn ediin soelin dursgalt zuyls* [= Monuments of the Material Culture of the Western Mongols]. Monsudar. [In Mong.]
31. Nyambuу, Kh. (2002). *Mongol khuvtasny tyykh*. [In Mong.]
32. Pyrev, O. (1999). *Mongol бөөгийн shashin*. [In Mong.]

Field ethnographic materials of the author

Gantulga, D. (2019). *Field ethnographic materials of the author*. Iz besedy s Mönkhөөн Shuuraa, informantom iz somona Zereg Khovdskogo aymaka, rod Avgas Elken, zhenshchina 1934 g. r.; Iz besedy s Ayuushiyn Sharavyn Gansukh, informantom iz somona Bulgan Khovdskogo aymaka, rod Tarinchinykhан khoshuna Baatar beel, muzhchina 1922 g. r.; Iz besedy s Bөkhchuluun Namsray, informantom iz somona Mankhan Khovdskogo aymaka, rod Tav'naykhan elkenee, muzhchina, 1923 g. r.; Iz besedy s Mönkhөөн Sodnom, informantom iz somona Zereg Khovdskogo aymaka, rod Avgas Elken, muzhchina 1935 g. r.